

К биографии архимандрита Иоакимфа (Карпинского)

Означенный архимандрит, служивший в 1760-х годах ректором Переславской семинарии и известный в XVIII столетии как человек учёный, по книге которого «Compendium theologiae dogmatico-polemicae» долгое время училось духовное юношество, будучи сыном священника, родился в 1723 году в Малороссии, обучался в Белгородской и Курской семинариях, затем в Харьковском коллегиуме и кончил курс в Киевской духовной академии. Как человек вполне образованный по тому времени, Карпинский был использован сначала на учебном поприще, — был он учителем разных предметов в различных училищах и потом, до 1757 г., префектом Харьковского коллегиума; в 1744 г. он постригся в монашество, а затем был ректором семинарии Переславской, Коломенской, Кирилло-Белозёрской, Вологодской и Новгородской и в связи с этим — настоятелем монастырей: дмитровского Борисоглебского, переславского Данилова, севского Спасо-Преображенского, рыльского Николаевского, коломенского Голутвина, новгородского Вяжицкого, Кирилло-Белозёрского, новгородского Юрьева, московского Донского и наконец Новоспасского, был он и главным управителем Николаевского духовного правления и с 1794 г. — членом московской синодальной конторы. Состоя на последнем посту, он и скончался 29 ноября 1798 года. с. 9

Архимандрит Иоакимф, как уже отмечено, был человек учёный; он в совершенстве владел латинским языком, и за это в кругу учёных монахов Иоакимфа называли «Цицероном». Свидетельством его знания латинского языка остались уже отмеченная нами книга «Compendium theologiae» (издана в Лейпциге в 1786 г. и в Москве — 1790 и 1810 гг.), а также законченный им перевод на латинский язык «Книжицы, в ней же повесть о распре Павла и Варнавы с Иудействующими, и трудность слова Петра Апостола о неудобноносимом иге законном»; этот перевод начат был архимандритом Давидом Нащинским, а потом был окончен Иоакимфом и напечатан в Лейпциге в 1782 г., in 8°. Книга эта — сочинение Феофана, архиепископа Новгородского. с. 10

Кроме указанных двух трудов, архимандрит Иоакимф известен ещё вышедшею в 1782 году книгою (8°) — «Поучительные слова, сказанные при Высочайшем Дворе Императрицы Екатерины II, и в других местах». Книга эта подробно описана А. С. Родоским в его «Описании книг гражданской печати XVIII столетия СПб. духовной академии», Спб., 1899 (под № 407). См. также у Сопикова.² Эти слова прежде сборника выходили отдельными брошюрами, как например «Слово в святой великий пяток в придворной церкви проповеданное 1781 г. апреля 2 дня». (Спб., 1781, 4°.)

Учёность архимандрита Иоакимфа была признана многими и все архиереи признавали, что за почитаемую всеми учёность архимандрит Иоакимф давно должен бы быть избран на архиерейскую кафедру; но все вместе с тем знали и невыносимый в общежитии характер архимандрита Иоакимфа: он был чрезмерно честолюбив и горяч. Все биографы архимандрита Иоакимфа единогласно говорят об этом, все они утверждают, что все архиереи не любили его за характер; за свойства своего характера он не был сделан епископом, хотя ему не раз по старшинству и достоинству и следовало быть посвящённым.

*Смирнов, А. В. К биографии архимандрита Иоакимфа (Карпинского) / А. В. Смирнов, Н. Бельчиков // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир, 1910. — Том 12. — С. 9—18.

¹Сопиков, В. С. Опыт российской библиографии / В. С. Сопиков. — СПб., 1821. — Ч. 5. — № 12789.

²Сопиков, В. С. Опыт российской библиографии / В. С. Сопиков. — СПб., 1816. — Ч. 4. — № 10364.

с. 11 Подобный вывод биографов не был сделан произвольно. На это есть и доказательства. Так, из Севского Спасо-Преображенского монастыря он был уволен с такой резолюцией архиерея: «Неточию покоев, чести его достойных, но и пропитания пристойного ему у нас нет, — дать ему из епархии нашей обыкновенное, куда пожелает, увольнение для приискания себе места». И замечательно: такое отношение к себе архимандрит Иоакинф встретил как раз после перевода в Севский монастырь из Переславского Данилова монастыря, уход из которого для архимандрита, как мы видим из дела за № 120 Переславской духовной консистории за 1760 год, не был для него добровольным.¹ Изложение этого дела ниже мы и печатаем в изложении г. Николая Бельчикова, как материал для биографии архимандрита Иоакинфа.

Об архимандрите Иоакинфе см.:

1. Евгений Болховитинов, епископ. <Статья> / Епископ Евгений Болховитинов // *Друг Просвещения*. — 1806. — № 11.
2. Словарь писателей духовного чина. (Епископа Евгения.)
3. Ефремов, П. А. Материалы для истории русской литературы / П. А. Ефремов
4. Филарет, архиепископ. Обзор русской духовной литературы. — Книга 2.
5. Геннади, Г. Н. Справочный словарь / Г. Н. Геннади. — 1880. — Т. 2. — С. 75 и 392.
6. Березин, И. Н. Русский Биографический Словарь / И. Н. Березин
7. Толль, Ф. Дополнения к Словарю / Ф. Толль
8. Русский Биографический Словарь. — 1897. — С. 155—156.
9. Макарий, архимандрит. Описание Юрьева монастыря / Архимандрит Макарий // *Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских*. — 1858. — С. 101. (И отдельным изданием.)
10. Свирелин, А. И. Переславская семинария / А. И. Свирелин // *Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских*. — 1859. — Книга 2.
11. Свирелин, А. И. Описание Данилова монастыря / А. И. Свирелин. — М., 1860. — С. 89. (И издания других годов.)
12. Забелин, И. Е. Описание Донского монастыря / И. Е. Забелин. — М., 1865. — С. 78.
13. Орловские епархиальные ведомости. — 1892. — № 16.
14. Венгеров, С. А. Источники словаря русских писателей / С. А. Венгеров. — СПб., 1910. — Т. 2. — С. 512.

Дело об Иоакинфе (Карпинском), архимандрите Троицкого Данилова монастыря (в г. Переславле)

с. 12 Архимандрит Иоакинф, в бытность настоятелем Троицкого Данилова монастыря, позволил себе грубое и жестокое обращение с экономом того же монастыря Аароном. Последний обратился к преосвященному с жалобой на незаконные действия архимандрита Иоакинфа, прося обследовать дело и защитить его от обид. Начался судебный процесс, повлиявший на дальнейшую судьбу виновного архимандрита. Подробности этого печального события были следующие. Аарон в своём донесении говорит, что по указу Его Преосвященства, он «определён в именованный монастырь экономом с тем, чтобы быть в катедральном... монастыре у присмотра при работах».

6-го Ноября 1760 года, — пишет он, — был я именованный в Катедральных Вашего Преосвященства кирпичных заводах у присмотру для делания завалившейся кирпичной печи и приехав в... монастырь пошёл до своей кельи. На встречу мне... шедшему из задних ворот промежду церковью соборной и трапезной, архимандрит Иоакинф остановил меня нижайшего и говорил: где де ты был? На что я ему архимандриту ответил: «Я был в катедральных кирпичных заводах у присмотру для делания вышереченной кирпичной печи».

Архимандрит, недовольный ответом, закричал: «Для чего ты туда ездешь и с чьего приказанья?» «С приказанья Его Преосвященства ежжу», — ответил эконом. В ответ на эти слова архимандрит закричал: «Ты де каналья не в архиерейской команде, а в моей». «На что я — эконом — объявил ему: нет-де, Ваше Высокопреподобие, я в команде архипастыря моего, а не в Вашей». Тогда

¹Эта сноска — список литературы, вынесен нами в текст. — *Ред.*

отец архимандрит в гневе начал наносить противнику один за другим удары. «Ударил в голову тростью своею, которая при нём имелась, из своих рук три раза, приговаривая, вот-де тебе командир архипастырь». Эконом бежал от наносимых ударов в свою келью с намерением укрыться. Но архимандрит, нагнав его

с келейными Дмитрием Никитиным, Василием Подобедовым и другими двумя человеками, избил колом *смертно* и приказал, — пишет эконом в обвинительном акте, — принести цепь и наложить на меня, яко на мёртвого и долго стоял надо мною яко над мёртвым и очуствовався я именованный стал ему архимандриту говорить: за что Ваше Высокопреподобие так немилосердно и смертно изволите бить напрасно.

Архимандрит «приказал вести меня в караульную». Тогда эконом опять вознамерился было уйти в келью.

Но токмо я пошёл было в келью свою с цепью и вошёл на лестницу, как вышепокананный келейный Никитин взбежал вперёд меня и ударил меня по затылку, с которого удара я упал с лестницы и потащили меня за цепь и паки он же архимандрит бил меня и за волосы и за бороду драл меня. И взяли за руки и за ноги и потащили меня по монастырю до караульной кельи, приказав трём солдатам меня стеречь во всю ночь со свечами.

Побои были очень чувствительны и не замедлили отразиться на состоянии здоровья пострадавшего. «Во всю ночь с которых его побой, — писал эконом, — харкал я кровью, о чём и свидетельствую караульными солдатами». Архимандрит, однако, этим не ограничился, а обещал «грозя меня наутре бить плетьюми». Вот как передаёт подробности дела потерпевший, эконом Аарон.

Переславская Духовная Консистория, «слышав прошение Аарона», с содержанием которого мы сейчас познакомимся, распорядилась допросить обвиняемого, истца и соприкосновенных делу свидетелей, в числе которых были: келейные Дмитрий Берсенев, Василий Подобедов, сторожа Григорий да Дмитрий Козьмины, солдаты Фёдор Песоцкий, Егор Шагарин и Григорий Воронин.

После некоторых «проволочек и укрывательств» начался, наконец, допрос привлечённых к делу свидетелей, и предварительно был допрошен главный виновник процесса архимандрит Иоакимф.

На допросе отец архимандрит представил дело в ином освещении, истолковывая поступки и слова свои в собственную защиту и оправдание.

Ноября 6-го дня сего 1760 г. оной иеромонах Аарон в катедральных Его Преосвященства кирпичных заводах у присмотру для делания завалившейся печи был или нет, о том архимандрит не знает.

По сообщению же конюха Берсенева (на которого он ссылается) ему известно, что эконом «того 6 числа был в Даниловской деревне Загорье и катедральной деревне Чашницах»; встреча их, по показанию архимандрита, произошла в указанном месте, то есть между церковью соборной и трапезной. Встретившись, архимандрит, по его свидетельству, не останавливая его Аарона, спросил: где отец Аарон был. В ответ ему Аарон, остановясь, объявил

непорядочно, но созартом и при том пьяной, что он был в катедральных Его Преосвященства кирпичных заводах. На что он архимандрит на него Аарона не кричал, да и кричать за болезнью ево было неможно и таких слов для чего ты на кирпичные заводы едешь и с чьего приказания, он архимандрит, также ему архимандриту эконом — что де едешь с приказания Его Преосвященства, не говорили. Архимандрит спросил только «что де у кого ты спрашивался ехать и объявил ли ты кому?»

Аарон дерзко отвечал «как высоко ты думаешь. Кого мне спрашиваться и кому объявлять». Архимандрит напомнил ему «незакричавши и не такими речьюми, что ты де каналья не во архиерейской команде — в моей, но так: ты при указе прислан». Аарон опять дерзко замечает: «тебе не указ прислан для ведома, а мне для исполнения». Тогда архимандрит пригласил его идти с собой в Приказ и там познакомиться с содержанием указа. Но Аарон, не отвечая на это, заявляет: «Я без того знаю и тебя не слушаю».

И не за то, но когда он с великим азартом, с бранью негодным сыном сам наперёд ухватил его архимандрита за ворот изо всей силы потряс, при свидетельстве шедшего с ним конюшего малороссиянина Ивана Кардашевского и который увидя, то опасаясь, чтоб он Аарон ево архимандрита не убил, побежал в келью для объявления служителям, и когда после ево Кардашевского отходу оной Аарон ево архимандрита ударил кулаком в голову, зато боронясь от себя он архимандрит

с. 13

с. 14

ево Аарона по руке тростью ударил *однажды*, а не три раза, в которое время и трость он Аарон у него архимандрита из рук вырывал и за неё держал, а таких речей вот де тебе командир — архипастырь, — никогда не говорил, и... с келейными своими Дмитрием Никитиным, Василием Подобедовым и сторожами двумя человеки его Аарона не догонял и колом ивовым в голову с ног неизбивал, да и чинить того ему архимандриту невозможно было.

Явившиеся по зову Кардашевского келейные застали, по словам архимандрита, ту сцену, когда «оной Аарон ещё ево архимандрита за ворот держал — их и от него... отняли». А «сторожа пришли опосля», — следовательно, зрителями этого не были.

По отнятии, когда оной Аарон паки на него архимандрита бросился было, то отняли ево и обороняся однажды тростью, а не колом и не смертно ево Аарона архимандрит ударил.

Когда, далее, по словам Иоакимфа, Аарона повели в Казённый Приказ, а

он стал тех сторожей от себя отталкивать, то он, архимандрит, приказал цепь принести и на Аарона наложить приказал, но не яко на мёртвого, но на здорового, а на лежащего или на стоящего, того не упомнить, архимандрит не долго стоял и не над ним Аароном и не яко над смертным, ибо он Аарон в то время ево архимандрита лёгши и бранил и притом выговаривал, но какими именно речью не упомнить.

Аарон

пошёл было в келью свою с цепью, на лестницу взшёл. И вышепоказанный келейный вперёд его забежал, но по затылку его не ударил, а только, когда Аарон его архимандрита цепным стулом хотел ударить, то он Дмитрий ухватил Аарона сзади за руки, удерживая от удару, а с лестницы он Аарон упал не с удару келейного, но сам, когда хотел келейного и других бить.

Про себя архимандрит говорит,

что он не бил и за волосы и за бороду не драл, за руки и за ноги не тащил, а понесли сторожа к Казённому Приказу. ... Сторожей, которые повели было ево Аарона, бил кулаками и ногами, и дошедши до порогу Казённого Приказа, идти во оной не захотел, за что приказано ево отвести в караульную келью и трём солдатам стеречи во всю ночь со свечами. ... Харкал ли он Аарон кровью или нет, он архимандрит не знает.

с. 15 Таким образом, Иоакимф в своём показании не отрицает того, что он бил Аарона, но старается оправдать себя тем, что он будто бы был вынужден к этому поведением эконома. Относительно выставленных Аароном свидетелей, Иоакимф даёт о каждом из них такие отзывы. На Воронина сослаться нельзя, говорит Иоакимф, потому что он был в монастырском селе Усолъе, «за монастырскую пашню с крестьян брал деньги» — следовательно, свидетелем этого события не был. Песоцкий не может быть беспристрастным свидетелем, «ибо всегдашнюю с ним Аароном дружбу имеет»... и «потому в свидетельство они подозрительны», а на третьего Шагарина «подозрения и ссоры никакой он... не имеет».

Ночью, когда по поручению Аарона, Фёдор Песоцкий донёс, что ему тесна цепь, он — архимандрит чрез келейного Дмитрия распорядился снять её. ... На утро, как говорит Аарон, он бить плетью не грозил.

Утром архимандрит принял Аарона в келью, когда Аарон высказал желание придти в келью «для принесения своей винности», — но архимандрит после первой просьбы не простил. Свою непреклонность Иоакимф мотивировал тем соображением, что «публично Аарон ево архимандрита обидел и следует с совету братии учинить с ним по порядку».

На убедительные и настойчивые просьбы Аарона о прощении архимандрит сказал, «что ежели в келье простит, то в келье высеку и плетью, но намерения к бою не было». А «после третичной просьбы простил без наказания». На этом и закончились показания Иоакимфа. Далее следуют показания свидетелей Дмитрия Никитина, Василия Подобедова, Григория и Дмитрия Козьминых и других.

Келейный Дмитрий Никитин (допрос 19 декабря) первым явился на место происшествия вместе с Васильем Подобедовым, узнав об этом от гостившего у Иоакимфа малороссиянина Кардашевского. Они застали тот момент, когда эконома архимандрита за ворот держал. Дмитрий разнял, тогда архимандрит при нём одним тростью *дважды* ударил. Затем в дальнейших показаниях они или взаимно дополняют друг друга, или, в большинстве случаев, дают общие, тождественные показания.

Аарон «выслушав 21 декабря 1760 г. ответ архимандрита того монастыря и допросы келейных и сторожей», — сказал, «что означенные архимандрит, келейные и сторожа показали неправду,

с. 16 ибо дело происходило так, как он изложил в своём прошении». В подтверждение истинности своих слов, он ссылается на новых свидетелей — очевидцев происшествия: семинариста, слушателя богословия Петра Гжацкого, иеродиакона Артемия, учителя семинарии Переславской Никифора Иосифова. Не признаёт себя виновным эконоом в том, что будто бы, как показали некоторые из свидетелей, сторожей бил, цепным стулом замахивался и так далее, — напротив, «он ничего не чинил», а кровью действительно харкал, посылал за духовником, — ему в этом отказали.

В свою очередь и архимандрит Иоакимф предаёт безусловному отрицанию всё показание Аарона (22 декабря 1760 г.), выражаясь, «что он — эконоом — как в доношении, так и в доказательстве своём показал неправду, а подлинное ноября 6-го дня происходило так точно, как в помете ево — архимандричьем показано». За свидетелями, выставленными Аароном: иеродиаконом Артемием, семинаристом Гжацким, учителем Иосифовым — Иоакимф не признаёт права быть свидетелями, «ибо их не было (в данный момент вблизи) и в других местах он Иоакимф их не видал». Свой отказ прислать к умирающему эконоому и неверие словам последнего архимандрит Иоакимф объясняет тем, что «эконоом не болен был, но пьян». Таких речей — я де тебе каналья наутро плетьюми с спины и брюха кожу собью — архимандрит не произносил.

23 декабря 1760 г. был сделан допрос отставному солдату Егору Шагарину, под надзором которого провёл ночь заключения эконоом Аарон. В допросе он передаёт, что эконоом,

плюнувши на пол 3 раза, сказал им всем троим: поглядите, господа солдаты, кровь, точию они солдаты крови на полу, затем, что на том полу пыльно было, усмотреть не могли. ... А потом оной эконоом плюнувши ещё на руку свою паки сказал: смотрите кровь. Почему они все трое усмотрели и увидели однажды на руке ево кровь... а во всю ночь он кровь не харкал.

Наконец, были допрошены последние свидетели по делу Иоакима: иеродиакон Артемий, учитель семинарии Никифор Иосифов, слушатель богословия Пётр Гжацкий, конюхи Тимофей Облыга, Афанасий Серевский.

Показания с означенных лиц были сняты 8 января 1761 года. Иеродиакон Артемий «по иноческому обещанию и со увещанием» подтверждает, что он был свидетелем, как архимандрит «настигши бьёт сзади где нипопало оногo монастыря эконоома, а чем бил за тогдашнюю темнотою не усмотрел, только приметил, что разов до двадцати», Аарон «от тех побои или запнувшись упал». «На лежащего в безпамятстве или в памяти не знает надели между тем цепь и по приказанию архимандрита, с помощью призванных конюхов, понесли»; а архимандрит «Аарона бил ли, за волосы и за бороду драл ли, не видал». Больше сведений он не даёт.

Учитель Переславской духовной семинарии Никифор Иосифов «по самой сущей справедливости» передаёт такие подробности события. Он был очевидцем того, как «иеромонах Аарон бежал к келии своей, а за ним архимандрит гнавшись сзади бил ево, удерживая от утечки, почём ни попало». Подоспевший в этот момент Дмитрий келейный «схватил оногo Аарона за плечи, а архимандрит с обеих рук паки бил... более двадцати раз ударил и Аарон упал». Слышал приказание, отданное Иоакимфом принести цепь, видел, как несли уже Аарона. Но «за что оное побоище началось и происходило, не видал, был трезвый или пьяный Аарон, не знает». Семинарист Гжацкий, слушатель богословия, «лишь видел, как понесли келейные и конюхи Аарона с положенною на шею ево цепью» в Казённый Приказ, приводит слова Аарона «за что меня архимандрит берёшь», предшествующей же сцены он не застал.

Наконец, конюхи Тимофей Облыга и Афанасий Саревской в свои показания не привносят никаких интересных подробностей. Они были призваны келейными, когда ссора почти закончилась. Их показания, как лиц почти незнакомых с событием, незначительны и малоценны.

Резолюциею Его Преосвященства определено: «архимандрита Иоакима отставить и в другой монастырь без священнослужения под начал отослать». Архимандрит Иоакимф апеллировал Преосвященному Амвросию, епископу Переславскому и Дмитровскому, прося уменьшить, ослабить наказание. В своём всепокорнейшем прошении он ссылается на тяжесть болезни, грозившей серьёзными осложнениями.

Понеже за болезнию моею давно уже от оногo Данилова монастыря на моё обещание у Вашего Преосвященства увольнения просить намерен был, которая болезнь и ныне час от часу умножается. Того ради прошу оказавшуюся мою вину и следующий штраф по архипастырскому милосердию простить и на обещание в Белогородскую епархию з архимандричьею честию мене уволить.

На это прошение последовала такого характера резолюция преосвященного:

с. 17

Когда монастырь игумену Иерониму при братии и приказных служителях по надлежащему здаст, тогда ево не за болезнью, но за оказавшиеся по следствию поступки в силу консисторского определения отпустить на обещание в Белоградскую епархию, не лишая архимандрической чести. Чтож касается до штрафа, о том должен не нас, но того, кого обидел, просить.

с. 18

Аарон прощает свою обиду и

15 февраля 1761 г. в собрание представил, что подлежащее ко взысканию ему Аарону збываго в томже Троицком Данилове монастыре архимандрита Иоакимфа забесчестие и увече деньги тридцать рублёв по испрошении им архимандритом прощения он Аарон уступил и впредь о тех деньгах никакой прозбы иметь не будет.

5 марта 1761 г. архимандриту выдан «пашеорт» за печатью Переславской Духовной Консистории.

По Указу Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны Самодержицы Всероссийской и прочая, прочая, прочая.

Объявитель сего архимандрит Иоакимф Его Преосвященства Синодального члена преосвященного Амвросия епископа Переславского и Дмитровского и архимандрита Ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемаго монастыря уволен на обещание в Белоградскую епархию вовся, чего ради ему архимандриту и сей пашеорт ис Переславской Духовной Консистории дан, с которым ему архимандриту по прибытии в Бел Град явится первее епархиальному преосвященному Иоасафу епископу Белоградскому и Обоянскому и о бытии втой епархии просить у его преосвященства благословения и определения. 1761 г. марта 5 дня.

Таков исход дела об архимандрите Троицкого Данилова монастыря Иоакимфе.

Сообщил Н. Бельчиков.